

Лишний Тираж, или Смерть по накладной

Уютный
детектив

КРАСНАЯ
СТРОКА

— ИЗДАТЕЛЬСТВО —

РУКОПИСИ

КОРРЕКТУРА

ТЕКСТЫ

ТИРАЖИ

СЕКРЕТЫ

ТИРАЖ №1

ТИРАЖ №2

УДАЛИТЬ

Милана Панова

**Лишний тираж или
Смерть по накладной**

«Автор»

2026

Панова М.

Лишний тираж или Смерть по накладной / М. Панова —
«Автор», 2026

Нина Платонова, корректор с острым карандашом и рыжим котом Эклером, получила новую должность: главный корректор в только что открывшемся издательстве «Красная строка». Первая презентация, два дебютных тиража, шампанское и пироги. А на следующее утро арендодатель издательства лежит под железной лестницей собственной типографии. Полиция говорит: несчастный случай. Нина видит другое: на столе покойного две книги, которых не должно существовать, а в его последнем сообщении ошибка, которую он никогда бы не сделал. Кто-то напечатал второй, тайный тираж. Кто-то написал за мёртвого. А кто-то прислал Нине вырезку с красным знаком «удалить». Книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Главный корректор	5
Глава 2. Сорок одна ошибка	9
Глава 3. Тихоречская типография	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Милана Панова

Лишний тираж или Смерть по накладной

Глава 1. Главный корректор

В конце лета я стала человеком с должностью. Выяснилось, что это серьёзная перемена: у человека с должностью есть пропуск, табличка на двери и ящик в столе, который запирается на ключ. Ключ я потеряла в первую же неделю. Ящик, впрочем, так и остался незапертым, потому что в нём лежали только запасные красные карандаши, пачка печенья и кошачий корм.

Меня зовут Нина Платонова, мне тридцать шесть лет, и я корректор. Это самая тихая профессия на свете, и по какой-то необъяснимой причине именно вокруг неё последний год происходят самые громкие события. В июле, например, я оказалась в усадьбе, где гроза, мёртвый критик и пятеро писателей с подозрительными почерками отрезали нас от всего мира. После этого Маргарита Викторовна Ласточкина, бывший главный редактор, позвала меня работать в новое издательство. Назвали его «Красная строка». Я подумала и согласилась. Не из-за зарплаты, хотя и она была хорошей. Просто когда тебе предлагают читать книги раньше всех на свете, отказаться невозможно.

Издательство поселилось в Тихоречье, на Печатной улице, в старом купеческом особняке с лепным фасадом и узкой лестницей, которая скрипела на каждой ступеньке разными нотами. Если подняться по ней быстро, получалась почти мелодия. Агафья Тихоновна, приехавшая из усадьбы вести хозяйство, говорила, что это дом Ширяева, а купец Ширяев ещё до революции печатал здесь азбуки, и что дух его до сих пор бродит по этажам и придирается к запятым. Я в духов не верю. Но дверь в мою комнату действительно каждое утро оказывалась приоткрытой, хотя я закрывала её на ночь.

Причина этого, впрочем, имела рыжую шерсть и ходила на четырёх лапах.

— Эклер, — сказала я, входя в комнату в понедельник в восемь сорок. — Мы с тобой обсуждали дверную ручку.

Кот лежал на моём столе, поверх стопки вёрстки, и смотрел так, как смотрят сотрудники, которые пришли на работу раньше начальства и ждут, когда это заметят. Он перебрался вместе со мной из дачного посёлка, потому что дома в одиночестве скучал, а здесь его все обожали. Маргарита Викторовна называла его «корпоративным талисманом». Абзац, её бульдог, считал его начальником охраны. Агафья Тихоновна подкармливала сливками. А бухгалтер Зинаида Львовна однажды сказала, что с тех пор, как Эклер появился в бухгалтерии, у неё перестали пропадать документы.

— Он сидит на них, — объяснила она. — Теперь они не могут никуда деться.

Я сняла кота с вёрстки, разгладила помятый лист и села к компьютеру. На экране ждали три письма от типографии, одно от дизайнера и одно от автора, которое начиналось словами «Нина Сергеевна, я не согласна ни с одной вашей правкой». Я вздохнула и открыла его.

Работа корректора устроена так, что ты постоянно оказываешься виноватой. Если в книге нет ошибок, никто тебя не замечает. Если ошибка осталась, замечают все. Автору обидно, что кто-то нашёл у него лишнюю запятую, а читатель счастлив, что нашёл её сам и теперь может написать в отзыве, что «издательство позорится». Я привыкла. Но в издательстве «Красная строка» всё оказалось немного иначе. Здесь меня слушали.

Это было непривычно и приятно, и от этого я нервничала сильнее обычного.

В девять в комнату вошла Маргарита Викторовна. Она всегда входила в девять ровно, в строгом синем платье, с брошью-запятой на воротнике (той самой, золотой, которую подарила себе после усадьбы), с бульдогом на поводке и кружкой чая в руке.

— Доброе утро, Нина Сергеевна. Вы уже начали ругаться с автором?

— Автор начал первым.

— Диана?

— Диана Верховцева. Она пишет, что слово «любовь» нельзя ставить рядом со словом «любить» в одном абзаце, потому что «это обесценивает чувство».

— Это называется «тавтология».

— Я ей так и ответила.

— И что она?

— Что тавтология — это её авторский стиль.

Маргарита Викторовна отхлебнула чай и невозмутимо сказала:

— Тогда нужно посмотреть, сколько раз.

— Семнадцать на первых двух страницах.

— Господи, — сказала она. — Хорошо. Давайте в пятницу. На презентации она вам всё скажет в лицо, а я приготовлю успокоительное.

Презентация была назначена на пятницу, на семь вечера, в нижнем зале особняка. Мы выпускали первые две книги: «Мохнатый сфинкс и три ключа» Алины Мороз и «Любить по-взрослому» Дианы Верховцевой. Первую вы, возможно, помните, если читали про июльское дело на реке. Вторую вряд ли, потому что её читали в основном двести тысяч подписчиц Дианы в социальной сети, где та рассказывала, как правильно любить, выбирать платья и пить кофе. Маргарита Викторовна называла её «нашим коммерческим двигателем». Я называла «автором с богатым внутренним миром и бедной орфографией».

— Только не говорите ей этого, — сказала Маргарита Викторовна, прочитав моё лицо.

— Я не скажу.

— Вы скажете мягче, я надеюсь.

— Я скажу «есть над чем поработать».

— Идеально.

Она подошла к окну. За окном, на Печатной улице, шумел обычный октябрьский город: трамвай, продавщица газет, мокрые листья на асфальте. Через дорогу, за кирпичной стеной, стояло длинное серое здание с трубой и вывеской «Тихоречская типография». Там печатали наши книги. Там же, если верить договору, лежал наш будущий тираж.

— Георгий Аркадьевич заедет сегодня, — сказала Маргарита Викторовна, не оборачиваясь.

— Вольский?

— Он владеет типографией и этим зданием. Он наш арендодатель и наш главный кредитор. И человек, с которым мне придётся работать ещё очень долго.

— Вы его не любите.

— Нина Сергеевна, — тихо сказала она. — Я не люблю людей, которые считают, что книга это товар. Но они иногда бывают полезны.

В голосе её прозвучала такая усталость, что я невольно замолчала. Эклер, лежавший на подоконнике, повернул голову и посмотрел на нас обеих.

Георгий Аркадьевич Вольский приехал в одиннадцать. Я услышала его раньше, чем увидела: на лестнице раздалось громкое «так-так-так», которое оказалось не шагами, а его манерой постукивать тростью по перилам. Лестница отвечала ему возмущённым скрипом.

Он вошёл в мою комнату без стука.

Это был крупный человек лет шестидесяти, в дорогом сером костюме, который сидел на нём чуть тесновато. Гладко выбритый, с тяжёлым подбородком и очень светлыми глазами, холодными, как лёд в стакане. На руке тускло блестели часы на кожаном ремешке. В левой руке он держал трость, в правой портфель.

— Вы корректор? — спросил он, не здороваясь.

— Главный корректор, — сказала я. — Нина Сергеевна Платонова.

— Главный, — повторил он с интересом, как будто пробовал слово на вкус. — Сколько у вас подчинённых?

— Один. Эклер.

Он перевёл взгляд на кота. Эклер зевнул ему в лицо.

— Ну, — сказал Вольский. — Хорошая команда. Скажите мне, Нина Сергеевна, сколько ошибок вы нашли в рукописи Верховцевой?

— Сорок одну.

— И сколько осталось?

— Ни одной.

— Уверены?

— Я никогда не бываю уверена, Георгий Аркадьевич. Вот поэтому и читаю в третий раз.

Он вдруг рассмеялся. Смех у него оказался неожиданно громкий, короткий, как лай.

— Мне это нравится. — Он поставил портфель на стол. — Знаете, Нина Сергеевна, сорок лет я печатаю чужие книги. Видел всякое. И знаете, что я понял? Ни одна книга не бывает без опечаток. Вы можете читать её хоть сто раз. Всё равно через месяц какая-нибудь читательница напишет вам в личные сообщения: «А вот здесь, на странице сто сороковой, пропущена запятая».

— Я знаю.

— Так зачем вы стараетесь?

— Затем, — сказала я, — чтобы таких читательниц было поменьше.

Он взглянул на меня очень внимательно.

— Хорошо, — сказал он. — Мне нужна корректура ещё одной вещи. Не книги. Договора. Маргарита Викторовна, как вы знаете, любит подписывать, не читая. А я люблю, когда читают. Особенно пункт девятый.

— Что в пункте девятом?

— Прочтите.

Он достал из портфеля прозрачную папку и выложил передо мной три листа. Я пробежала глазами. Договор аренды особняка. Дата, подписи, суммы. И в конце, мелким шрифтом, пункт девятый: «В случае нарушения сроков сдачи первого тиража арендодатель вправе в одностороннем порядке расторгнуть договор и потребовать единовременной выплаты арендной платы за двенадцать месяцев вперёд».

— Двенадцать месяцев? — тихо сказала я.

— Именно.

— Это огромная сумма.

— Для людей, у которых нет денег, да. — Он убрал листы обратно. — Первый тираж должен быть сдан в пятницу, к семи вечера. Три тысячи экземпляров «Мохнатого сфинкса» и три тысячи «Любить по-взрослому». Если хотя бы одна книга окажется бракованной, я вправе считать тираж несданным.

— Георгий Аркадьевич, но вы же сами печатаете.

— Я печатаю. А вы вычитываете. — Он развернулся к двери. — Если найду опечатку, Нина Сергеевна, то найду и виноватую.

Он ушёл, постукивая тростью. Лестница ещё минуты две обижалась ему вслед.

Я сидела, глядя на закрывшуюся дверь, и чувствовала, как медленно холодеют пальцы. Эклер подошёл, ткнул мордой мне в ладонь.

— Я знаю, — сказала я. — Я знаю. Но я не боюсь.

Это была неправда, и он это понял.

Дверь открылась снова. Я вздрогнула. На пороге стояла Катя, мокрая от дождя, с рюкзаком, из которого торчали сразу три учебника по уголовному праву и пакет с булочками.

— Нина Сергеевна, привет! У меня сегодня практика с одиннадцати, мне сказали идти к вам. Я не опоздала? Это что у вас? Вы побледнели.

— Это договор, — сказала я. — Катя, ты когда-нибудь читала пункт девятый?

— Какой?

Я рассказала ей. Катя слушала, поджав губы. Когда я закончила, она села на край стола, положила булочку Эклера на лист бумаги и сказала:

— Нина Сергеевна. Вы знаете, в чём главное правило юристов?

— В чём?

— Если человек специально показывает вам пункт девятый, значит, он надеется, что вы его нарушите.

Я посмотрела на неё. Девятнадцать лет, серые отцовские глаза, нос, измазанный в муке от булочки. И голос такой, словно ей давно уже тридцать пять.

— Ты права, — сказала я.

— Конечно, — ответила Катя. — Я же отцовская дочь.

За окном трамвай прозвенел на повороте. А где-то внизу, на лестнице, снова раздалось тихое «так-так-так». Но теперь оно показалось мне не угрожающим, а почти торжественным, как удары метронома перед началом игры.

Игра, как я понимала, уже началась.

Глава 2. Сорок одна ошибка

Сорок одну ошибку нашла я в рукописи Дианы Верховцевой, и каждая из них была по-своему прекрасна.

Были ошибки простые, вроде «в течении недели» вместо «в течение недели». Были ошибки литературные: «Он посмотрел на неё взглядом, полным любви, как будто смотрел в её душу, как в зеркало, которое отражало его собственную душу». Были ошибки логические: на третьей странице героиня носила красное платье, на седьмой оно стало голубым, а на двенадцатой, видимо, из уважения к читателю, обрело чёрный цвет. И была одна ошибка, которую я полюбила больше остальных. Диана написала: «Она вошла в комнату бесшумно, как будто стучала каблуками по мраморному полу».

Я долго смотрела на это предложение. Потом подчеркнула его красным карандашом и на полях поставила только одну пометку: «?».

Именно с этого начался вторник.

— Вот, — сказала Диана Верховцева, входя в мою комнату в десять утра. — Вы поставили вопросительный знак.

Она была красивой, как бывают красивы блогеры: безупречная кожа, длинные волосы цвета тёмного мёда, огромные ресницы, белое пальто, которое в октябре на Печатной улице выглядело как вызов природе. За ней тенью следовала девушка с планшетом, которая, как я потом выяснила, называлась «менеджер по контенту» и в обязанности которой входило записывать всё, что говорит Диана.

— Здравствуйте, Диана, — сказала я. — Присаживайтесь.

— Я не собираюсь сидеть. Я пришла выяснить, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду, что героиня не может войти бесшумно, если стучит каблуками.

— Она вошла так, как будто стучит. Это метафора.

— Это противоречие.

— Это художественный образ!

— Диана, — сказала я мягко. — Художественный образ должен быть понятен. Сейчас читатель остановится, перечитает, нахмурится и подумает, что с книгой что-то не так. А хорошая книга не должна заставлять читателя хмуриться.

— Вы просто завидуете, — сказала Диана.

— Чему?

— Тому, что у меня двести тысяч подписчиков, а у вас нет.

— Я не завидую, — искренне сказала я. — У меня есть кот.

Эклер, лежавший на подоконнике, лениво приоткрыл один глаз.

Диана замолчала. Она смотрела на меня, потом на кота, потом снова на меня, и я вдруг заметила, что глаза у неё не злые, а испуганные. Так смотрят люди, которым очень нужно, чтобы всё получилось, и которые боятся, что их разоблачат.

— Послушайте, — тихо сказала она. — У меня сегодня в четыре эфир. Меня будут смотреть сорок тысяч человек. Я должна им сказать, что книга готова. Что она идеальна. Если они узнают, что в ней сорок ошибок...

— Сорок одна.

— Это что, важно?

— Для меня да.

— Ужас, — сказала она и села.

Менеджер с планшетом осторожно присела рядом.

Я достала распечатку, разложила её на столе и показала Диане все сорок одну отметку. Объяснила каждую. Тихо, подробно, не снисходительно. Она слушала. К тридцатой правке

перестала спорить. К тридцать пятой начала задавать вопросы. На сороковой сказала: «А почему здесь тире, а не дефис?» — и я поняла, что у нас есть шанс.

— Потому что тире длиннее, — сказала я. — Оно показывает паузу. А дефис соединяет слова. Если вы пишете «Он — мой муж», это тире. Если «кто-нибудь», это дефис.

— То есть... — Диана смотрела в лист. — Я всю жизнь ставила их неправильно?

— Вы ставили их так, как ставят все. Это не вина. Это привычка.

— Но почему никто мне не говорил?

— Потому что читатели не замечают. Они чувствуют, что что-то не так, но не знают, что именно. А потом говорят: «Книга странная».

Диана долго молчала. Потом тихо сказала:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не посмеялись.

— Диана, — сказала я. — Я бы никогда.

Она улыбнулась, и в этой улыбке не осталось ничего от белого пальто и двухсот тысяч подписчиков. Просто молодая женщина, которой страшно.

В коридоре послышались шаги. Дверь распахнулась, и в комнату вошёл Фёдор Ильич Лесков.

Выпускающий редактор «Красной строки» был человеком, о котором принято говорить «последний могикан». Сорок восемь лет, сутулый, с серебряной щетиной на подбородке, с очками на цепочке и с огромной кружкой, в которой всегда плескался крепкий чай. Работал он в «Новом ряду» ещё при Маргарите Викторовне, потом ушёл в другое издательство, потом вернулся. Он знал о книгах всё. Он знал, какой формат листа лучше всего ложится в руку. Он помнил наизусть корректорские знаки, которые давно вышли из моды, и умел ставить их так красиво, что хотелось повесить его правку в рамку.

— Нина Сергеевна, — сказал он. — Извините. Мне нужна вёрстка «Сфинкса». Типография просит окончательный макет до завтра.

— Я отправила в понедельник.

— В котором часу?

— В шесть вечера. Последняя версия, седьмая.

— Седьмая, — повторил Фёдор Ильич и тихо усмехнулся. — Я всё время забываю, что у нас теперь не бумага, а цифры. Раньше правка шла в трёх экземплярах, на оттисках. А сейчас «версия седьмая». Как будто кино.

— Вам не нравятся версии?

— Мне нравятся люди, которые умеют говорить «стоп», — сказал он. — Когда книга готова, она готова. Нельзя бесконечно возвращаться.

— У нас сорок одна правка в «Любить по-взрослому», — сказала Диана.

Фёдор Ильич повернулся к ней.

— А вы кто, милая?

— Диана Верховцева.

— Ах, да. Двести тысяч. — Он кивнул. — Знаете, я двадцать лет редактировал писателей, которых никто не читал. Теперь редактирую писательницу, которую читают все. Ощущение странное. Но правки ваши я видел. Нина Сергеевна права почти везде. Почти.

— Почти? — сказала я.

— В одном месте. На странице сто двадцать четвёртой вы заменили «бабье лето» на «золотую осень». Диана писала про сентябрь, а бабье лето начинается в сентябре.

Я открыла распечатку. Он был прав. Я смутилась.

— Я исправлю.

— Ничего страшного. Все ошибаются. Но вы единственный человек в этом издательстве, который признаёт это вслух. Остальные делают вид, что их ошибок не существует.

Он поднял кружку, как бокал, и вышел.

— Он мне нравится, — тихо сказала Диана.

— Он всем нравится, — сказала я. — До первой его правки.

Полина Ветрова, дизайнер-верстальщица, работала в маленькой комнате на втором этаже, где вместо окна у неё был стеллаж с тубусами, а вместо стула огромный мяч, на котором она покачивалась во время работы. Двадцать восемь лет, короткая стрижка цвета спелой рябины, пирсинг в носу, наушники, которые она снимала, только когда нужно было что-то сказать. Говорила Полина быстро, чётко и слегка в сторону, словно разговаривала с кем-то, кто стоит за твоим плечом.

— Версия седьмая у меня, — сказала она, когда я пришла после обеда. — Я её отправила в понедельник в шесть сорок две. И сразу же архивировала. Вот папка.

Она показала экран. На нём в аккуратных рядах стояли файлы с названиями: «Сфинкс_v1», «Сфинкс_v2» и так далее до «v7_финал». Внизу, отдельно, значилась папка «Любить_v1–v6, v7_финал».

— А в типографию?

— Фёдор Ильич отправил. Через облако. Ссылка у него.

— Он сам?

— Он сам. Говорит, не доверяет интернету. Хочет лично убедиться, что письмо дошло.

— Полина, — сказала я. — Как вы думаете, в типографии могли открыть не седьмую версию, а, допустим, первую?

— Нет. Они же получают одну ссылку. На один файл.

— А если кто-то отправил им несколько?

Полина сняла наушники и внимательно на меня посмотрела.

— Нина Сергеевна, — сказала она. — Вы что-то подозреваете?

— Я просто привыкла проверять.

— Ну да. — Она пожала плечами. — Корректор. — И снова надела наушники. Но минуты через две, когда я уже шла по коридору, она вдруг окликнула меня.

— Нина Сергеевна!

— Да?

— Если вы что-нибудь найдёте, скажите мне первой. Пожалуйста.

— Почему?

— Потому что на меня всегда думают первой. Я самая младшая. Самая странная. Самая с кольцом в носу.

Я посмотрела на неё. Ей было двадцать восемь, и она смотрела на меня глазами, в которых прятался огромный, застарелый страх.

— Хорошо, — сказала я.

— Спасибо. — Она улыбнулась и отвернулась к монитору.

А я пошла вниз, в бухгалтерию, где Зинаида Львовна вот уже сорок минут раскладывала по папкам счета, поила Эклера молоком и напевала что-то из репертуара Людмилы Зыкиной.

Зинаида Львовна Маслова была женщиной шестидесяти лет, круглой, тёплой, пахнущей ванилью и чем-то неуловимо домашним. Волосы у неё были собраны в тугий пучок, на носу сидели очки в роговой оправе, а на столе стояла маленькая икона, вазочка с конфетами и фотография мужа в рамке. Муж болел уже третий год. Об этом знали все, и именно поэтому никто не решался спросить, откуда в бюджете издательства иногда появляются странные расходы на «консультации специалистов».

— Ниночка, — сказала она. — Хочешь пирожок?

— С чем?

— С капустой. Утром напекла. Знаешь, я решила, что если ты будешь хорошо питаться, то лучше будешь находить ошибки.

— Зинаида Львовна, это научно не доказано.

— Зато вкусно.

Я взяла пирожок. Села на стул рядом с Эклером, который немедленно пересел мне на колени.

— Зинаида Львовна, — сказала я. — Можно вопрос?

— Конечно.

— Договор аренды. Пункт девятый.

Она замерла. Рука с чашкой остановилась на полпути ко рту.

— Откуда ты знаешь про девятый пункт?

— Мне показал Вольский.

— Вот негодяй, — тихо, почти ласково сказала она. — Он его уже всем показал. Он... Ниночка. Только не говори Маргарите Викторовне, что я тебе сказала. Она переживает.

— Что не сказать?

Зинаида Львовна оглянулась на дверь, потом встала, закрыла её и вернулась, понизив голос:

— Георгий Аркадьевич не просто арендодатель. Он тут ещё и партнёр. Тайный. Он вложил в издательство три миллиона. Не напрямую, конечно, через какие-то свои фирмы. Но это его деньги. И если книги не выйдут в пятницу, он потребует их назад. Всё сразу. Вместе с процентами. А денег у нас нет.

— Маргарита Викторовна знает?

— Знает. Но гордость не позволяет сказать. Она, видишь ли, шестьдесят лет работала главным редактором и никому не была должна ни копейки. А теперь...

— Зинаида Львовна, — сказала я. — Скажите честно: вы ему доверяете?

Она долго не отвечала. Потом вытерла руки о передник, подошла к окну и посмотрела на серое здание типографии за кирпичной стеной.

— Ниночка, — сказала она тихо. — Я тридцать лет бухгалтер. И знаешь, чему меня научили эти тридцать лет? Люди не обманывают в больших деньгах. Они обманывают в мелочах. Так вот, у Вольского в мелочах всегда всё сходится. До копейки. А такого не бывает.

Эклер на моих коленях вздрогнул и поднял голову. Мне показалось, что он понял каждое слово.

Глава 3. Тихоречская типография

Типография на Печатной улице пахла так, как пахнет только в типографиях: тёплой бумагой, краской, машинным маслом и чем-то неуловимо древним, как старая библиотека, в которой кто-то включил моторы.

В среду утром мы пришли туда вчетвером: Маргарита Викторовна, я, Катя и Эклер, которого никто не приглашал, но который сам запрыгнул в корзину с вёрсткой и устроился там с видом человека, у которого есть билет. Абзац остался в особняке, на попечении Агафьи Тихоновны, и, судя по тому, как он смотрел нам вслед, считал это личным оскорблением.

— Пробный оттиск, — пояснила Маргарита Викторовна, толкая тяжёлую железную дверь. — Это когда вам показывают несколько экземпляров, напечатанных заранее, чтобы вы убедились, что цвета, бумага и вёрстка в порядке. Потом тираж запускают целиком.

— А если что-то не так? — спросила Катя.

— Тогда переделываем.

— Но если вы переделаете, то не успеете к пятнице.

— Именно поэтому, — сказала Маргарита Викторовна, — всё должно быть так.

Цех оказался огромным. Под потолком тянулись трубы, вдоль стен громоздились стеллажи с рулонами бумаги, а в центре, как доисторическое чудовище, стояла печатная машина: длинная, зелёная, облепленная валами, шестернями и датчиками. Она гудела ровно и мощно, а из её жерла медленно вылезали влажные, пахнущие краской листы.

Рядом с машиной, в замасленном синем комбинезоне, стоял высокий худой человек лет сорока. Лицо у него было узкое, обветренное, с глубокими морщинами у рта. Он вытирал ладони тряпкой и смотрел на нас с лёгкой, чуть застенчивой улыбкой.

— Маргарита Викторовна, здравствуйте, — сказал он. — А я вас жду.

— Григорий Петрович, — сказала она. — Это наш главный корректор, Нина Сергеевна. А это Катя.

— Гриша, — просто сказал он и протянул мне руку, предварительно вытерев её ещё раз. — Седых. Печатник. Работаю здесь двадцать два года.

Рукопожатие у него было сухое, твёрдое, осторожное, как у человека, который привык обращаться с механизмами, которые могут оторвать пальцы.

— Вот, — сказал он и подвёл нас к столу, на котором лежали две стопки книг в плотных обложках. — Пробные. «Сфинкс» и «Любить». Смотрите.

Я взяла «Мохнатого сфинкса и три ключа». Обложка была тёмно-зелёная, с золотым тиснением, и на ней, на фоне ночного неба, сидел огромный пушистый кот, который почему-то напоминал мне Эклера. Книга пахла свежей краской и новой бумагой. Я открыла её и начала листать, и пальцы сами заскользили по страницам, как у пианиста по клавишам.

— Нина, — тихо сказала Катя. — Вы читаете?

— Я смотрю.

— Но вы же ничего не читаете. Вы просто листаете.

— Корректор, — объяснила я, — сначала смотрит, а потом читает. Нужно сначала увидеть, как выглядит страница. Если она выглядит неправильно, то и читать её не нужно.

— А как она должна выглядеть?

— Ровно. Серо. Спокойно. Чтобы глаз ни за что не цеплялся.

Я просмотрела весь «Сфинкс» за четыре минуты. Потом так же быстро «Любить повзрослому». Потом вернулась к началу и стала читать выходные данные. Это маленький текст на обороте титульного листа, в котором написано, кто автор, кто редактор, кто корректор, в каком году вышла книга и каким тиражом. Выходные данные обычно читают только маньяки вроде меня. Но именно там чаще всего прячутся ошибки.

«Ответственный редактор Ф. И. Лесков, — прочла я. — Корректор Н. С. Платонова. Вёрстка П. Ветровой. Подписано в печать 14.10.2026. Тираж 3000 экз.»

Всё было верно. Я вздохнула с облегчением.

— Что-нибудь нашли? — спросила Маргарита Викторовна.

— Пока нет.

— Тогда пойдёте к Георгию Аркадьевичу. Он ждёт.

Кабинет Вольского находился на втором этаже типографии, в кирпичной пристройке с узким окном, выходящим во двор. Это была большая, строгая, неуютная комната, в которой не нашлось ни одного живого цветка, ни одной картины, ни одной семейной фотографии. Только огромный стол, кожаное кресло, сейф у стены, а на стене большая застеклённая карта Тихорежья, на которой красными кружками были отмечены книжные магазины.

Сам Вольский сидел в кресле и разговаривал по телефону. Увидев нас, он поднял палец, мол, подождите, и продолжал:

— Нет, я сказал пять. Пять тысяч. Не три. Это не обсуждается... Да, обе позиции... Конечно, по старой цене... А вы что думали, я работаю в убыток?.. Нет, оформим по-другому. Не через издательство. Через мою фирму. Да. Хорошо.

Он положил трубку.

— Простите, — сказал он. — Дела. Присаживайтесь.

Мы сели. Эклер вылез из корзины, обошёл кабинет, понюхал сейф, обнюхал ножки стола и вдруг, к моему изумлению, подошёл к Вольскому и потёрся о его ногу. Тот поморщился.

— Это ваш кот?

— Мой.

— Уберите.

— Эклер, — сказала я.

Кот никуда не ушёл. Он сел на ботинок Вольского и уставился на него немигающим взглядом, и тот, к моему удивлению, не стал его прогонять.

— Георгий Аркадьевич, — сказала Маргарита Викторовна. — Пробные экземпляры хороши. Мы одобряем. Можно запускать.

— Уже запустили. — Он откинулся в кресле. — Вчера ночью. Гриша, не так ли?

— Так, — сказал печатник, вошедший следом и теперь стоявший у двери. — Запустили в одиннадцать вечера. К пятнице отпечатаем.

— Тираж три тысячи на каждую, — напомнила Маргарита Викторовна.

— Три. Я помню.

Он сказал это так спокойно и так равнодушно, что у меня внутри что-то неприятно дрогнуло. Я вспомнила телефонный разговор: «Я сказал пять. Пять тысяч. Не три». Но, может быть, это было про другой заказ. У типографии много клиентов.

— А когда мы сможем посмотреть склад? — спросила я.

Вольский поднял брови.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что готовые книги хранятся в нормальных условиях. Влажность, температура.

— Нина Сергеевна, — сказал он с лёгким раздражением, — это моя типография. У меня склад в идеальном порядке.

— Я не сомневаюсь. Просто хочу увидеть.

Он помолчал, глядя на меня. Мне показалось, что в светлых глазах мелькнуло что-то колючее, как льдинка.

— В пятницу, — сказал он. — Перед презентацией. Я сам вас проведу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.